

ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Я. В. Самарин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье анализируется влияние сетевого общества и новых медиа и социальных сетей как фактора в становлении делиберативной демократии. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. считалось, что коммуникационная революция станет способом преодоления кризиса, затронувшего представительную модель демократии, когда истеблишмент теряет связь с избирателями. С развитием Интернета переход от иерархической модели коммуникаций к сетевой должен был принести изменения и в сферу политики. Возникающие новые медиа и социальные сети должны гарантировать доступ гражданского общества к политической публичной сфере и действительно помогают уменьшить разрыв между элитой и народом. Формируются требования по повышению прозрачности и подотчетности государственных институтов, усиления контроля за политикой. Предполагалось, что сетевое пространство станет тем местом, где будут воплощаться принципы делиберативной демократии. Но в настоящий момент приходится признать, что развитие новых средств массовых коммуникаций (СМК) вызывает разочарование, а временами и чувство тревоги. Вместо роста общественных дискуссий мы можем столкнуться с возникновением «эхокамер», жертвой сути информации ради яркости ее подачи, что в результате приводит к радикализации граждан. В свою очередь, правительства и IT-корпорации используют возросшие возможности СМК и Big Data для контроля и манипулирования информацией, что ставит под угрозу саму возможность свободной дискуссии. Воздействие на эмоции и простые лозунги оказались более приемлемы для эпохи Интернета, чем рефлексированная дискуссия по общественным проблемам. Коммуникационная революция привела к изменениям в публичной сфере, но вместе с тем может привести и к размыванию демократии.

Ключевые слова: делиберативная демократия, сетевая политика, политические коммуникации, публичная сфера, кризис демократии, средства массовых коммуникаций

В современном мире политика критически зависима от публичной сферы коммуникации. По сути, она становится медиа-политикой. То, что не представлено в медиа — не существует и в общественном сознании. Повестка дня, определение значимости событий, общественная дискуссия, и, как следствие, политическое поведение — все это формируется в пространстве медиа-коммуникации [The Network Society, 2005, p. 13–15]. При этом в условиях информационной революции и с расширением технических возможностей взаимодействия с аудиторией массовая коммуникация, ранее являвшаяся однонаправленной,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

становится все более интерактивной. Сохранив доступ к участникам и даже увеличив массовую долю аудитории, коммуникация обретает новые ресурсы — теперь контент самостоятельно создают, распространяют, выбирают участники сети. Происходящие изменения в сфере политики, экономики и коммуникаций, привычным стало определение: «беспрецедентные по скорости и охвату» [Кин, 2015, с. 18]. В этих условиях меняется все содержание властных отношений, современное общество переходит от иерархической системы управления к децентрализованной и сетевой [Кастельс, 2000].

Еще в начале XX в. Джон Дьюи возлагал надежды на то, что масс-медиа способствуют развитию демократических процедур путем развития культуры дискуссий и дебатов [Dewey, 1927]. Появление Интернета вывело эти ожидания на новый уровень. Так, еще в середине 1990-х гг. американский исследователь Лоуренс Гроссман говорил о наступлении «цифрового века» демократии [Grossman, 1995].

Современный уровень информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) позволяет развивать новые модели общественного диалога и реализовывать некоторые теоретические модели демократии. С ростом доступности Интернета и социальных сетей возникает потенциал для кардинальных перемен во взаимоотношении между государством и обществом. В рамках данной статьи будет рассмотрено насколько эффективно влияет развитие новых медиа и социальных сетей на возможность построения делиберативной демократии.

Система представительства, лежащая в основе современной демократии, переживает сложные времена. Низкая ответственность народных избранников, несовершенство депутатского корпуса, бюрократизация законодательного процесса — все это свидетельствует о проблемах во взаимоотношениях между властью и обществом и необходимости их совершенствования [Баранов, 2014].

Сформировавшаяся в XVIII в. модель представительной демократии, по словам Дж. Кина, стала особой формой правления, отличной от народа как источника своей власти, но при этом связанной с ним. Выборы, по его мнению, превратились в динамический процесс, подчиненный «принципу разочарования». Избиратель «наказывает» своих представителей за политические провалы. Те из представителей, кто разочаровал своих избирателей, теряют свои места. Но из этого следует, что, если бы представители всегда были бы компетентными и достойными, выборы потеряли бы всякий смысл [Кин, 2015, с. 76]. В условиях, когда массовые идеализированные партии сменяются картельными, а политическое позиционирование сдвигается к центризму, «принцип разочарования» смещается с конкретных политических деятелей и партий на всю систему представительства в целом.

Согласно концепции Колина Крауча, современный мир вошел в стадию «постдемократии», которая сохраняет все формальные черты демократии, такие как: свободные выборы, сменяемость власти, конкурентные партии, публичные дебаты, но при этом все ключевые решения принимаются несменяемой элитой, действующей, в первую очередь, в пользу крупных корпораций [Крауч, 2010]. Революция в коммуникационных технологиях должна была придать необходимый импульс делиберативной демократии, привести к росту

вовлеченности населения в политические процессы, снять накопившиеся проблемы представительной модели и восстановить связи между истеблишментом и гражданами.

Ведущим теоретиком делиберативной демократии можно считать немецкого ученого Юргена Хабермаса. Он обращается к анализу классических либеральной и республиканской теорий демократии и предлагает синтезирующую третью модель. С точки зрения Хабермаса, либеральная модель, хотя и включает в себя коммуникативность и обладает в достаточной мере стремлением к компромиссу и, как следствие, программирует государство на поиск и реализацию общественных интересов, но на практике выступает прежде всего в защиту экономического сообщества и традиционных политических институтов. Республиканская модель оказывается более глубокой с точки зрения целей общества, не сводимых сугубо к контрактной основе, ведущих к демократической самоорганизации, базирующейся на коммуникации. Но вместе с тем, республиканская модель переоценивает добродетельность граждан, а также недооценивает институциональные аспекты. Предлагаемая Хабермасом «теория дискурса воспринимает элементы обеих сторон и интегрирует их в понимание идеальной процедуры совещания и принятия решений. Эта демократическая процедура устанавливает внутреннюю связь между переговорами, дискурсами самосогласия и справедливости и обосновывает предположение, что при таких условиях достигаются разумные и соответственно честные результаты. Тем самым практический разум возвращается из сферы универсальных прав человека или конкретной нравственности некоей определенной общности в область тех дискурсивных правил и форм аргументации, что заимствуют свое нормативное содержание из базиса значимости ориентированного на взаимопонимание действия, в конечном счете — из структуры языковой коммуникации... (эта теория. — Прим. Я. С.) делает осуществление делиберативной политики зависимым не от коллективно дееспособной совокупности граждан, но от институализации соответствующих процедур» [Хабермас, 2001, с. 392–393, 395]. Хабермас предлагает различать власть, формируемую через процесс коммуникации и административную власть, основанную на принуждении [Хабермас, 1995, с. 50]. Политическая публичность выступает в качестве своего рода дискурсивной очистной установки, которая из беспорядочных процессов формирования общественного мнения отфильтровывает то, что способствует обобщению интересов [Хабермас, 2012, с. 116]. Вершиной системы дискурсов являются демократические выборы, путем которых созданная коммуникациями власть, которая не может выступать в качестве субъекта управления, преобразуется в административно применяемую.

К основным элементам делиберативного процесса можно отнести информацию, аргументацию и убеждения. Информация используется для осведомления своих политических сторонников и расширения их круга; убеждения лиц, принимающих решения, в правильности предлагаемого курса; распространения сведений среди широкой общественности в целях получения поддержки и влияния на государственные структуры. Аргументы выполняют функцию связывания фактов с поставленными целями. Они поясняют, как предложения о со-

вершенствовании социальной, экономической или культурной политики могут улучшить существующее положение, желательно при минимальных затратах. Убеждение является конечной стадией делиберативного процесса и его качественным показателем. Проведению делиберативной политики способствует коммуникативный потенциал Интернета, который предоставляет широкие возможности доступа к информации [Баранов, 2014, с. 132].

При этом уже сам Хабермас указывал на определенные проблемы, связанные в том числе с самой природой медиа. Так, его «проект коммуникации для делиберативной политики, должен удовлетворять двум критическим условиям: политическая коммуникация, опирающаяся на масс-медиа, может способствовать процессу легитимации в публичной сфере высокосложных обществ лишь в той мере, в какой, во-первых, саморегулирующаяся медиасистема добивается независимости от своего социального окружения, а, во-вторых, диффузная массовая публика, то есть читатели, слушатели и зрители масс-медиа, устанавливают обратную связь между информированными дискурсами элиты и готового к восприятию и реакции гражданского общества» [Хабермас, 2012, с. 112]. Но старые масс-медиа достаточно часто не обладали этой независимостью, даже если и обеспечивали плюрализм мнений политических сил, они сохраняли свою связь с ними. Журналисты обычно являются выходцами из высших слоев «среднего класса». «Большинство ограничений, которые накладываются на аналитические материалы и репортажи, обусловлены не прямой цензурой, а «самоцензурой» журналистов» [Гуторов, 2019, с. 41]. Не меньшей «патологией» являлось «отсутствие дистанции масс-медиа по отношению к тем союзам и организациям, которые представляют экономические или другие специальные интересы». Подобного рода зависимость встречается даже чаще, чем политическая. При этом особым случаем является ситуация, когда владелец СМИ «использует свою власть в качестве предпринимателей, чтобы конвертировать медиа-власть непосредственно в политическое влияние» [Хабермас, 2012, с. 141, 147–148]. Наконец, можно отметить то, что право на коммуникацию, по словам Э. Гидденса, традиционно было организовано репрезентативно: люди делегировали свой голос другим, не только политикам, но не в последнюю очередь — журналистам, и те нередко становились влиятельными фигурами. Как уже было сказано выше, следствием медийной репрезентации становится общественный резонанс, то есть усиление значения лиц и событий, попавших в фокус медиа и, как результат, особого значения специализированной профессиональной группы — журналистов, превратившихся в «создателей смыслов» и даже экспертов. По замечанию Д. Халлина, «холодная война» привела к тому, что журналисты стали считать себя скорее государственными служащими, стражами и защитниками общественных интересов, которые исключают из повестки дня неправильные взгляды [Hallin, 1992, p. 14–16]. Подобное положение, с одной стороны, давало возможность представителям традиционных медиа выступать в качестве института контроля власти, а с другой — делало их частью истеблишмента. Таким образом, старые медиа становились полноправным элементом политической системы и не могли в полной мере способствовать развитию делиберативной демократии.

Ситуация стала меняться к концу XX в. в связи с развитием новых коммуникационных технологий. Возникновение интернет-медиа порождает переход от иерархической модели коммуникации к сетевой (см., например, [Кастельс, 2000]). С появлением новых медиа возникает коммуникационное изобилие, вследствие которого происходит демократизация информации. Новые медиа помогают уменьшить разрыв между элитой и народом, позволяя любому гражданину задавать вопросы и получить информацию о публичных проблемах. Британский исследователь С. Коулман считает, что взаимосвязь между Интернетом и демократией относится к потенциалу цифровых технологий для преодоления барьеров для политической координации и коллективных действий, а также в преобразовании институтов власти в более открытые для большего участия граждан [Коулман, 2018, с. 24]. Все вместе это преодолевает взгляд на демократию как на конкуренцию элит, придавая ей инклюзивный характер. При этом коммуникационное поле увеличивается, как за счет роста аудитории, так и из-за связей внутри сети, что приводит к росту доступа к информации и, в свою очередь, увеличивает возможность публичного выступления и коллективных действий. Распространенность Интернета и доступность технических средств связи сделали возможным феномен DIY-медиа (от англ. do it yourself — сделай сам). Возникающие новые медиа и социальные сети должны гарантировать доступ гражданского общества к политической публичной сфере, поскольку обладают искомой независимостью от внешней среды. «Технологический прогресс и развитие новых инструментов, таких как распределенные регистры... могут быть использованы в государственном управлении и, в более широком смысле, в организации гармоничных механизмов соуправления государства, негосударственных институтов и граждан» [Шерстобитов, Кусик, 2018, с. 89]. Независимая политическая публичность служит средой для формирования обмена мнениями, в ее рамках возникает связь как между государством и гражданским обществом, так и внутри самого гражданского общества, создавая пространство для рефлексии и свободного волеизъявления. «Отличительной особенностью цифровой публичной сферы является видимость результатов обсуждения или совместной работы для всех участников процесса (акторов сети)» [Неверов, 2018, с. 67]. Благодаря низкому входному барьеру для формирования контента, традиционные масс-медиа лишаются монополии в информационном поле и создают переход от логики «отправитель — получатель» к логике «многие — многим». Современная инфраструктура социальных сетей с множеством подгрупп, возможностью массовых рассылок, связанные с ней мультимедийные платформы, открытые интернет-энциклопедии — все это создает условия для воплощения принципов, заложенных в теории делиберативной демократии. Согласно Кастельсу, власть перестает быть монополией государства и становится обезличенной, так как государство не может контролировать все возникающие сети [Кастельс, 2016, с. 30]. Можно в качестве примера привести «Википедию» (Wikipedia) в качестве активного интернет-сообщества, которое основано на самоуправлении и функционирует через модель предложений, обсуждений, согласований для обеспечения собственной политики. Участни-

ки проекта равны, они не являются представителями «элиты», но при этом должны обладать высоким уровнем компетентности, относиться друг к другу в рамках дискуссий с взаимоуважением и пониманием. Даже существующие проблемы, такие как злонамеренный вандализм, искажение информации и групповая поляризация мнений решаются за счет совместного сотрудничества и частично снимаются за счет самого объема дискуссий. В итоге, объем ошибок сравним с ошибками в энциклопедии «Британника», составляемой профессионалами [Klemp, Forchimes, 2010]. Таким образом, кажется, что вопросы о расширении демократической сферы, росте гражданского участия и рефлексии получают положительные ответы.

Цифровая революция создала условия для изменения и в политической сфере, расширяющие права граждан. Формируются требования по повышению прозрачности и подотчетности государственных институтов, усилению контроля за политикой, в том числе и за избранными представителями, росту возможности влиять на принятие решений. Роль стража общественных интересов заняли представители групп, не связанных с профессиональным политическим мейнстримом. «Неизбранными представителями», как их называет Дж. Кин, являются защитники общественных интересов, публичные фигуры, чей авторитет лежит за пределами электоральной политики, и чье количество и влияние стремительно увеличиваются с развитием новых медиа и сетей [Кин, 2015, с. 74]. При этом они ориентированы на широкие группы избирателей из всех идеологических сегментов, а их главным пунктом становится антиэлитная повестка. Возникают также группы, чьи интересы выходят за пределы стандартных политических программ, предлагаемых традиционными партиями. Они охватывают более широкий круг избирателей и подвергают мониторингу все области политической и общественной жизни.

В последние годы можно говорить о политизации этих «неизбранных представителей». Такая «мониторная демократия», по словам введшего этот термин в оборот Дж. Кина, представляет из себя новую разновидность демократии — постэлекторальную политику, определяемую быстрым ростом внепарламентских механизмов контроля власти, с ослаблением центральных элементов представительской демократии: выборов, партий и парламентов [Кин, 2015, с. 104–105]. В результате недовольства политическим status quo вокруг них самоорганизуются движения на основе Интернета, носящие антиэлитарный характер. И одним из следствий такой самоорганизации является усиление радикализации в обществе [Самарин, 2018, с. 97]. Демократия становится большим явлением, чем просто честные выборы. Независимые контролеры, находящиеся за пределами традиционных парламентских институтов, оказывают все более заметное влияние на развитие и значение демократии, держа в напряжении политиков, партии и правительства. Критика и контроль сложившихся политических институтов и элиты начинает превращаться в требования восстановления «истинной» демократии.

Вместе с тем все чаще раздаются тревожные сигналы о кризисе, охватившем публичную сферу, о ее свертывании и угрозе демократии. И во многом данные угрозы оказываются связаны именно с коммуникационной средой. Новые

медиа ориентированы на сенсации и увлечены личностями, а не контекстами, ограничены временными интервалами. Учитывая рост влияния социальных сетей, возникает риск изоляции человека внутри группы единомышленников, так называемый эффект «эхокамеры». Возникают закрытые подсистемы со своими внутренними правилами коммуникации, дифференцированная аудитория, со своей повесткой и ценностями, — все это ставит под сомнение демократичность соцсетей. В таких закрытых подсистемах потоки информации фильтруются на входе и выходе. Барьер возводится не государством или владельцем медиа извне, но внутри самого сетевого сообщества, то, что Кастельс называет «властью сетей» (*network power*). Маркировка «свой — чужой» становится даже более значимой, чем в рамках традиционной политической среды. Фактически оказывается, что коммуникативное изобилие порождает не доступ к альтернативной информации, а бесконечную ретрансляцию одних и тех же взглядов. Богатство выбора в итоге приводит к догматизму. Граждане становятся сторонниками политических движений, идеологию которых они не до конца понимают, участниками кампаний по «охоте за ведьмами», насыщенных популистскими лозунгами. Верх берет вера в «мудрость простого народа». Распространяется косный догматизм. Упомянутый выше пример «Википедии» оказывается не вполне корректным, поскольку коллаборация при редактировании контента во многом достигается путем создания системы контроля эпистемологических границ между обоснованными и необоснованными утверждениями [Коулман, 2018, с. 80].

Даже профессиональная журналистика в последние годы подвержена «голивудизации», стремится ярче подать событие, а не описать обстоятельства, вызвавшие его. Технологическая революция, породившая соцсети и новые медиа, во многом жертвует объемом и глубиной ради яркости подачи. Традиционные СМИ, чтобы выжить в новых условиях, так же подстраиваются под эти стандарты. В итоге постоянная гонка и требование максимальной краткости губят рефлексию [Кимелли, 2011, с. 70]. Возникает феномен «политики постправды» с преобладанием эмоций над фактами и размыванием границ между истиной и ложью (о взаимосвязи между популизмом и «постправдой» см., например, [«Политика постправды» и популизм, 2018]).

Данная ситуация противоречит идее делиберативной демократии, поскольку не создает предпосылки для переговорного процесса, но напротив, замыкает подсообщества в рамках их собственных групповых ценностей, которые не трансформируются в ценности общественные. Все это приводит к тому, что утверждение Хабермаса о публичной сфере как очистной установке уже не работает. По мнению Коулмана, построение делиберативной демократии на системном уровне потребует радикальной перестройки существующей системы политической коммуникации, в том числе, повышения культуры слушания и обучения у граждан [Коулман, 2018, с. 99].

В данном контексте представление, что развитие коммуникативных технологий окажет благотворное воздействие на становление делиберативной демократии, сейчас представляется намного более сомнительными, чем даже десятилетие назад. И когда мы говорим о новых СМИ и социальных сетях,

в первую очередь на ум приходят не их роль в процессах обсуждения, но твиттер Дональда Трампа, возможности компании Кэмбридж Аналитика (Cambridge Analytica), разобщенность по Брексит (Brexit). Последнее может служить особенно показательным примером, поскольку сторонники выхода из ЕС смогли добиться поддержки на референдуме, но так и не смогли сформулировать (возможно, намеренно), как этот выход должен состояться и каким будет будущее Соединенного Королевства вне Евросоюза, что в дальнейшем и привело к хаотизации и деградации британской политики. Воздействие на эмоции и простые лозунги оказалось более приемлемым для эпохи Интернета, чем рефлексированная дискуссия по общественным проблемам. В целом встает вопрос о самой возможности демократии в условиях эффективной манипуляции общественным мнением.

Сама возможность дискуссии оказывается под угрозой в связи с тем, что правительства и частные корпорации обретают все бóльшую возможность как прямой слежки, так и косвенного составления цифрового досье, а также манипулирования мнением как простых граждан, так и политиков.

Так, несмотря на то, что в США в 2009 г. президент США Б. Обама провозгласил инициативу об информационной прозрачности и открытом правительстве (Transparency and Open Government), которая была призвана обеспечить высокий уровень открытости государственных институтов, именно правительство США стремится к разработке систем для тотальной слежки за коммуникационной средой, как стало окончательно известно после дела Сноудена. Кроме того, хотя говорить об успешности практик авторитарных стран по созданию систем контроля за населением с помощью технологий искусственного интеллекта и анализа больших баз данных (Big Data) еще рано, но сам факт подобных разработок показывает, что интернет далеко не всегда приводит к демократизации.

Отдельно надо отметить технологический фактор. Если социальные сети и новые медиа становятся платформой для создания новых движений и контроля за политикой, то новые возможности работы с данными становятся орудием их победы. Брексит и Трамп внушили исследователям, политтехнологам и представителям медиа в буквальном смысле священный трепет перед Big Data, способными через анализ «цифрового следа» составить психологический портрет пользователя и сформулировать для него персональный контент, тем самым подвигнув его поддержать ту или иную политическую силу. Лидер-популист обрел возможность доносить свои призывы с гораздо большим эффектом чем когда-либо ранее. Сами же интернет-корпорации уже подвергаются серьезной критике за их бизнес-модель, предполагающую тотальное отслеживание действий пользователей, фактически уничтожившее приватность и свободу слова.

Наконец, стоит отметить тенденцию, возникшую сравнительно недавно, но по значимости возможно превосходящую все остальные. Если ранее модерация сетей заключалась в основном в отслеживании незаконной информации и пресечении прямой грубости и угроз в рамках дискуссии, то в последнее время зона контроля над контентом со стороны менеджмента

интернет-гигантов стремительно расширяется. С одной стороны, порог чувствительности общества резко снизился и оскорбительной теперь может считаться даже достаточно невинная информация, что ведет к жалобам на автора и его дальнейшей блокировке. С другой, владельцы интернет-компаний могут объявить того или иного автора, политика, публициста «нежелательным», а его контент — не соответствующим ценностям компании и на этом основании закрыть его аккаунт. При этом вовсе не обязательно, что пользователь сети нарушил действующие законы. То есть если государство (а также традиционные медиа) обязаны предоставлять площадку для разнообразных высказываний, пусть временами эта обязанность и является формальной, то владельцы социальных сетей, рассматривая их как бизнес, как СМК, но не СМИ, руководствуются ответственностью только перед акционерами, а то и исключительно своим «чувством прекрасного». При этом в новых условиях доминирования Интернета и социальных сетей в информационном поле выключение целых сегментов сети с определенной политической позицией будет означать резкое доминирование другой. А сами социальные сети, собирая информацию о пользователях и предоставляя их коммерческим и политическим акторам за счет анализа больших данных, позволяют создавать таргетированные высокоэффективные послания, по сути дела реанимируя теорию «волшебной пули». Таким образом, Интернет из пространства демократии и поля для дискуссии рискует превратиться в не-иерархическую, но при этом достаточно неплюралистическую среду, с доминированием нескольких точек зрения, и «выключением» других позиций, что зависит только от владельцев компаний. По словам К. Крауча, «социальные медиа во многом обогатили демократию, позволили значительно быстрее формировать демократические движения. Но одновременно они дали богатым людям еще больше инструментов влияния. Часто все выглядит так, как будто движение исходит от миллионов людей, хотя на самом деле оно имеет всего один источник» [Крауч, 2019].

Очевидно, что на данном этапе преждевременно говорить о том, что развитие СМК автоматически ведет к росту демократизации общества. Наоборот, наблюдается кризис системы демократического представительства и немалую роль в этом сыграли именно те факторы, которые должны были бы усилить демократию, такие как повсеместное распространение Интернета и связанных с ним новых медиа. Усилия государства по продвижению идей открытого правительства пока не дают должного эффекта, более того, оказываются дискредитированными на фоне скандалов со сбором данных и слежкой со стороны государства и частных IT-корпораций. Сетевая модель взаимодействия, в основе которой лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса, пока беззащитна перед манипулированием и демагогией, чтобы служить прообразом делиберативной демократии, но уже влиятельна и развита, чтобы подорвать авторитет истеблишмента, существующего в старом мире вертикальных иерархий. Хотя в современном обществе коммуникационная революция привела к изменениям в публичной сфере, но вместе с тем коммуникационное изобилие может привести и к размытию демократии.

Литература

Баранов Н. А. Делиберативная политика в условиях кризиса представительной демократии // Вестник СПбГУ. Сер. 6: Международные отношения. 2014. Вып. 4. С. 127–133.

Гуторов В. А. Либеральная модель журналистики в историческом и теоретическом измерениях // Век информации. 2019. Т. 7, № 1. С. 33–44.

Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 563 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

Кимелли Р. Пресса под ружьем // Россия в глобальной политике. 2011. №2. С. 69–74.

Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 308 с.

Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию. СПб.: Алтея, 2018. 130 с.

Крауч К. «Наша модель демократии не дает нам шансов на участие в политике». Colta.ru 2019. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/22161-kolin-krauch-nasha-model-demokratii-ne-daet-nam-shansov-dlya-uchastiya-v-politike> (дата обращения: 23.08.2019).

Крауч К. Постдемократия. М.: Издательский Дом Государственного университета Высшей школы экономики, 2010. 190 с.

Неверов К. А. Публичная сфера социальных медиа: проблема определения стратегий сетевых акторов // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 2 (14). С. 66–70.

«Политика постправды» и популизм / под ред. Поповой О. В. СПб.: Скифия-принт, 2018. 216 с.

Самарин Я. В. Влияние интернет-медиа и социальных сетей на становление популистских движений // Возможности и угрозы цифрового общества. Ярославль: ООО «Аверс Плюс», 2018. С. 93–98.

Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. 155 с.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Издательский центр «AKADEMIA», 1995. 244 с.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.

Шерстобитов А. С., Кусик О. А. Криптовалюты как вызов управляемости: публичная политика современных государств в различных сетевых и политико-административных контекстах // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 2 (14). С. 88–99.

The Network Society: From Knowledge to Policy / ed. by Castells M., Cardoso G. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005. 434 p.

Dewey J. The Public and Its Problems. New York: Holt, 1927. 224 p.

Grossman L. K. The Electronic Republic. Reshaping Democracy in the Information Age. New York: Viking, 1995. 304 p.

Hallin D. C. The Passing of the “High Modernism” of American Journalism // Journal of Communication. 1992. № 42 (3). P. 14–25.

Klemp N. J., Forcehimes A. T. From Town-Halls to Wikis: Exploring Wikipedia’s Implications for Deliberative Democracy // Journal of Public Deliberation. 2010. Vol. 6, iss. 2. P. 1–36.

Самарин Ярослав Владимирович — канд. полит. наук; johney_walker@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 1 марта 2020 г.;

рекомендована в печать: 17 апреля 2020 г.

Для цитирования: Самарин Я. В. Демократия в условиях сетевого общества: проблемы и перспективы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 2. С. 251–262. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.204>

THE DEMOCRACY IN A NETWORK SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Yaroslav V. Samarin

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; johney_walker@mail.ru

This article examines the role of the new media and social networks as a factor in the development of deliberative democracy. In the late 1990s, it was thought that the communication revolution would be a way to overcome the crisis of representative democracy. With the development of the Internet, the transition from a hierarchical model of communications to a network was supposed to bring changes to the sphere of politics. New media and social networks should guarantee access of civil society to the political public sphere and help narrow the gap between the elite and the people. Requirements are being formulated to increase the transparency and accountability of state institutions, and to strengthen policy control. It was believed that the Internet will become a place where the principles of deliberative democracy will be embodied. But now we should admit that the new media development causes disappointment, and a times anxiety. Instead of the growth of public discussions, we may encounter “echo chambers”, a victim of the essence of information for effect, which as a result, leads to the radicalization of citizens. Governments and IT-corporations exploit the increased capabilities of social networks and Big Data to control and manipulate information, which jeopardizes the possibility of free discussion. The impact on emotions and simple slogans turned out to be more acceptable in the Internet age than a reflective discussion on social issues. The communication revolution has led to changes in the public sphere, but at the same time, it can lead to the erosion of democracy.

Keywords: deliberative democracy, network policy, political communication, public sphere, democracy crisis, mass media.

References

- Baranov N. A. The deliberative policy in conditions of crisis of representative democracy. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Ser. 6, Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, iss. 4, pp. 127–133. (In Russian)
- Castells M. *Communication Power*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016, 563 p. (In Russian)
- Castells M. *The Information Age*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2000, 606 p. (In Russian)
- Coleman S. *Can The Internet Strengthen Democracy?* St. Petersburg, Altea Publ., 2018, 130 p. (In Russian)
- Crouch C. Our democracy model does not give us a chance to participate in politics. *Colta.ru*, 2019. Available at: <https://www.colta.ru/articles/society/22161-kolin-krauch-nasha-model-demokratii-ne-daet-nam-shansov-dlya-uchastiya-v-politike> (accessed: 23.08.2019). (In Russian)
- Crouch C. *Postdemocracy*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, 190 p. (In Russian)
- Dewey J. *The Public and Its Problems*. New York, Holt, 1927, 224 p.
- Grossman L. K. *The Electronic Republic. Reshaping Democracy in the Information Age*. New York, Viking, 1995, 304 p.
- Gutorov V. A. Liberal model of journalism in historical and theoretical dimensions. *Vek informatsii*, 2019, vol. 7, no. 1, pp. 33–44. (In Russian)
- Habermas J. *Ah, Europe*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2012, 155 p. (In Russian)
- Habermas J. *The Democracy, the Reason, the Morality*. Moscow, AKADEMIA Publ., 1995, 244 p. (In Russian)
- Habermas J. *The Inclusion of the Other*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 417 p. (In Russian)
- Hallin D. C. The Passing of the “High Modernism” of American Journalism. *Journal of Communication*, 1992, vol. 42, no. 3, pp. 14–25.

Keane J. *Democracy and Media Decadence*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015, 308 p. (In Russian)

Kimelly R. Media under the gun. *Rossia v globalnoi politike*, 2011, no. 2, pp. 69–74. (In Russian)

Klemp N. J., Forcehimes A. T. From Town-Halls to Wikis: Exploring Wikipedia's Implications for Deliberative Democracy. *Journal of Public Deliberation*, 2010, vol. 6, iss. 2, pp. 1–36.

Neverov K. A. Public Sphere of Social Media: The Problem of Determination of the Strategies of Network Actors. *Sotsial'nie i gumanitarnie znania*. 2018, vol. 4, no. 2, pp. 66–70. (In Russian)

Post-truth policy and populism. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg, Skifia print Publ., 2018, 216 p. (In Russian)

Samarin Ya. V. Influence of Internet-Media and Social Networks to the Rising of the Populists Movements. *Vozmozhnosti i ugrozi tsifrovogo obshchestva*. Yaroslavl', Avers Plus Publ., 2018, pp. 93–98. (In Russian)

Sherstobitov A. S., Kusik O. A. Cryptocurrencies as the challenge to Governability: Public Policy of the Modern States in Different Networked and Political Administrative Contexts. *Sotsial'nie i gumanitarnie znania*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 88–99. (In Russian)

The Network Society: From Knowledge to Policy. Ed. by Castells M., Cardoso G. Washington, DC: Johns Hopkins Center for Transatlantic Relations, 2005, 434 p.

Received: March 01, 2020

Accepted: April 17, 2020

For citation: Samarin Ya. V. The democracy in a network society: Problems and prospects of development. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 251–262.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.204> (In Russian)